

А Л Е К С Х Е Й Л И

КОРНИ

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2022

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
X35

Alex Haley
ROOTS

Copyright © 1974 by Alex Haley

Хейли, Алекс.

X35 Корни / Алекс Хейли ; [перевод с английского Т.О. Новиковой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 736 с.

ISBN 978-5-04-098907-2

«Корни» — одна из самых необычных и влиятельных книг американской литературы. Перед читателями разворачивается драматичная история шести поколений одной семьи, среди которых рабы и освобожденные, фермеры и кузнецы, музыканты и бизнесмены, адвокаты и архитекторы... и один автор.

Сразу после выхода «Корни» стали национальным и международным феноменом. Но и спустя 40 лет роман продолжает увлекать читателей своим повествовательным драйвом и исключительной эмоциональной силой.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-098907-2

© Новикова Т.О., перевод
на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ПОСВЯЩЕНИЕ

Я не думал, что подготовительная работа и написание этой книги займут целых двенадцать лет. Лишь случайно она была опубликована в год двухсотлетия Соединенных Штатов. Поэтому я посвящаю «Корни» моей стране, где происходит большая часть описываемых событий.

КОМЕТА ХЕЙЛИ

С самого начала «Корни» Алекса Хейли были чем-то большим, чем обычная книга. В этом романе очень точно отражена тоска чернокожих американцев по дому своих африканских предков, разграбленному и разрушенному веками рабства. Это не просто сплетение исторической и литературной частей (многое жестко критиковалось и даже опровергалось): поиск своих корней изменил представление чернокожих о себе и восприятие их белой Америкой. Мы перестали быть генеалогическими кочевниками, лишенными надежды узнать имена и наследие тех, из чьих чресл и культуры вышли. Хейли вписал черный народ в книгу американского наследия и помог нам поверить, что и мы можем найти своих предков. Кунта и Киззи (и Цыпленок Джордж) стали членами нашей черной американской семьи. Вот почему никакие промахи и недостатки книги Хейли не могут затмить тот сияющий свет, что он пролил на душу черных. Монументальный том Хейли помог убедить нацию в том, что история черных — это история Америки. Он показал, что их человечность — это сияющий маяк, чудесным образом пробившийся сквозь жестокости и ужасы рабства.

Когда на расовом небосклоне нации взошла комета Хейли, мне было семнадцать и я еще учился в школе. Книга сразу изменила характер наших разговоров и помогла увидеть тот исторический период, который мало кто из нас понимал по-настоящему. До книги Хейли о драме американского рабства предпочитали не говорить публично. Разумеется, нас сразу же захватил эпохальный мини-сериал по книге Хейли — авторы очень точно исследовали объемную и порочную эволюцию рабства. Книга и мини-сериал привели к другому феномену — открытию чернокожими самих себя. Слиш-

ком долго рабство было американским кошмаром, который оставил в душах чернокожих воспоминания о боли и унижениях. Книга Хейли вывела черных из тени стыда и невежества. Многие из нас впервые в жизни открыто и честно заговорили о сохраняющемся влиянии многовекового угнетения. Если борьба чернокожих в 60-е годы освободила наши тела от мучительных императивов белого превосходства, то книга Хейли помогла освободить наши умы и души от той же силы.

«Корни» заставили белую Америку отказаться от амнезии, подпитывавшей ее моральную незрелость и расовую безответственность. Пока не было книги или картины, которая передавала бы уродливые последствия рабства, нация могла вести себя так, словно все расовые проблемы были решены, когда чернокожие граждане наконец-то получили права. Но Хейли помог нам воспротивиться этой соблазнительной лжи, дав тонизирующий глоток правды: нация так до конца и не разорвала опасных уз с институтом, даровавшим процветание белым и одновременно сокрушившим все возможности черных. «Корни» — это важное напоминание о том, что, пока мы не победим прошлого, нам придется оставаться в его мертвящей узде. Книга вышла в свет, когда нация восторженно и романтично праздновала свое двухсотлетие, и стала краеугольным камнем альтернативной истории. Хейли помог гражданам, обладающим ответственностью и совестью, иначе взглянуть на свою страну, которую они всегда считали абсолютным воплощением духа демократии и свободы.

Книга Хейли стала началом разговора о корнях афроамериканцев, который длится и по сей день. Тесты ДНК, подтверждающие африканское происхождение, становятся все более популярными. Отчасти это объясняется развитием науки, но культурный стимул подобного расового осознания кроется в потрясающей книге Хейли. Кроме того, «Корни» появились в том же году, когда Неделя афроамериканской истории была официально расширена до Месяца афроамериканской истории. Все произошло в самый нужный момент и способствовало глубокому изучению сложного вклада чернокожих в национальную культуру Америки. «Корни» Алекса Хейли пробудили у рядовых граждан любопытство. Его книга сделала доступными для понимания сложные переплетения расового вопроса с политикой и культурой. Задолго до того как запрос на

КОМЕТА ХЕЙЛИ

иную историю стал боевым кличем прогрессивных ученых, книга Хейли воплотила его в жизнь. И хотя автор не раз ошибался, тем не менее ему удалось направить миллионы людей на верный путь расового и исторического познания. Немногие книги оказали столь мощное влияние на аудиторию.

«Корни» Алекса Хейли, бесспорно, один из судьбоносных текстов нации. Эта книга повлияла на события, выходящие далеко за пределы описываемого на ее страницах, и стала настоящей Полярной звездой, направляющей нас в долгой ночи мучительного наследия рабства. «Корни» — это пример великолепного рассказа о пути народа по трясине утраченных расовых связей к твердой почве восстановленного самосознания. По одной только этой причине книгу Хейли можно считать классикой американского честолюбия и устремлений чернокожих. Каждое поколение должно выбрать свои ориентиры в опасных водах расовых грехов нашей нации. И каждое поколение должно преодолеть социальные болезни через новое познание и решительные действия. «Корни» — яркое напоминание о том, что мы можем достичь этих целей только одним путем — взглянув прямо в лицо истории.

Майкл Эрик Дайсон

Глава 1

Ранней весной 1750 года в деревне Джуффуре, что в четырех днях пути вверх по реке от побережья Гамбии в Западной Африке, у Оморо и Бинты Кинте родился мальчик. Явившийся на свет из сильного, молодого тела Бинты, он был таким же черным, как и она, скользким от ее крови, а еще крикливым. Две морщинистые повитухи, старая Нью Бото и бабушка младенца Яйса, увидели, что это мальчик, и засмеялись от радости. Как говорили предки, первенец-мальчик — это особая милость Аллаха не только родителям, но и их семьям. Теперь все знали, что имя Кинте будет известно и сохранится в веках.

До первых петухов оставался еще целый час. Первым, что услышал младенец, кроме болтовни Нью Бото и бабушки Яйсы, было приглушенное ритмичное постукивание деревянных пестиков — женщины деревни начали молоть кускус в своих ступках, чтобы приготовить на завтрак традиционную кашу: ее варили в глиняных горшках на костре, разведенном среди трех камней.

Над маленькой пыльной деревней, состоящей из круглых, обмазанных глиной хижин, поднимался тонкий голубой дымок, едкий, но приятный. Раздался гнусавый вопль местного алимамо¹, Каджали Дембы, созывавшего мужчин на первую из пяти ежедневных молитв. Молитвы эти возносили Аллаху с незапамятных времен. Мужчины сбрасывали выделанные шкуры, поднимались с бамбуковых постелей, натягивали холщовые рубахи и спешили к месту молитвы, где алимамо уже возвещал: «Аллаху акбар! Ашхаду ан ля иляха илля Ллаху!» («Бог велик! Нет Бога, достойного поклонения, кроме Него!») После, когда мужчины возвращались

¹ Духовный лидер в деревнях народа мандинго (Здесь и далее прим. ред.).

ГЛАВА 1

домой завтракать, Оморо шагал среди них, сияющий и восторженный, и рассказывал о рождении своего первенца. Все поздравляли его и радовались доброму предзнаменованию.

Вернувшись к себе в хижину, каждый мужчина принимал у жены калабаш¹ с кашей. Жены отправлялись на кухню, расположенную позади хижины, кормили детей и лишь потом садились есть сами. Покончив с едой, мужчины брали короткие мотыги с изогнутыми ручками. Деревенский кузнец покрыл их деревянные лезвия железом. Вооружившись этим нехитрым орудием, мужчины отправлялись на работу — расчищать землю для возделывания земляных орехов, кускуса и хлопка. Этими культурами занимались только мужчины, а рис был уделом женщин. Так текла жизнь в жаркой пышной саванне Гамбии.

Как говорили предки, первенец-мальчик — это особая милость Аллаха не только родителям, но и их семьям.

По древнему обычаю, следующие семь дней Оморо должен был заниматься одним-единственным важным делом — выбирать имя для своего первенца. Имя должно было иметь богатую историю и сулить счастливое будущее. Племя Оморо — мандинго — верило, что ребенок позаимствует семь качеств от того, в честь кого или чего его назовут.

От своего имени и от имени Бинты в течение недели раздумий Оморо побывал во всех домах в Джуффуре и пригласил каждую семью на церемонию наречения новорожденного. Такая церемония традиционно проходила на восьмой день жизни младенца. В этот день мальчик, как когда-то его отец и отец его отца, должен был стать членом племени.

Когда настал восьмой день, ранним утром жители деревни собрались перед хижинкой Оморо и Бинты. Женщины обеих семей несли на голове калабаши с церемониальным кислым молоком и сладким печеньем мунко, приготовленным из молотого риса и меда. Карамо Силла, джалиба² деревни, уже поджидал их со своими тамтамами³. Пришли и алимано, и арафанг⁴ Брима

¹ Чаша, сделанная из высушенной тыквы.

² Музыкант.

³ Ударный музыкальный инструмент, разновидность барабана.

⁴ Учитель.

Сезей, которому предстояло в будущем стать наставником ребенка. Пришли и два брата Оморо, Джаннех и Салум. Они пришли издалека, чтобы присутствовать на церемонии, — новость о рождении племянника им донесли тамтамы.

Бинта гордо вынесла своего младенца. Как положено в такой день, с его головки сбрили небольшой клочок первых волос. Все женщины с восторгом восклицали, как прекрасен этот младенец. Когда джалиба начал стучать по барабанам, женщины смолкли. Алимамо произнес молитву над калабашами с кислым молоком и печеньем мунко, и, пока он молился, каждый гость прикоснулся к краю калабаша правой рукой в знак уважения к пище. Потом алимамо стал молиться над младенцем, прося Аллаха даровать ему долгую жизнь, удачу, богатство и честь, много детей его семье, его деревне, его племени — и, наконец, силу духа, чтобы заслужить и прославить имя, которое сейчас получит.

Оморо вышел вперед, к жене, и обратился к собравшимся. Потом поднял младенца так, чтобы все видели, и трижды прошептал на ухо сыну имя, которое выбрал для него. Впервые в жизни младенца было произнесено его имя — народ Оморо верил, что каждый человек должен первым узнавать, кто он есть в этом мире.

Снова грянули тамтамы. Теперь Оморо прошептал имя на ухо Бинте, и жена улыбнулась с гордостью и радостью. Затем Оморо прошептал имя на ухо арафангу, стоявшему за жителями деревни.

— Первого ребенка Оморо и Бинты Кинте зовут Кунта! — кричал Брима Сезей.

Все знали, что таким было среднее имя недавно умершего деда младенца, Каирабы Кунты Кинте. Каираба пришел из родной Мавритании в Гамбию и спас жителей Джуффуре от голода. Он женился на бабушке Яйсе и честно служил Джуффуре до самой своей смерти. Жители деревни почитали его святым.

Один за другим арафанг называл имена мавританских предков, о которых часто рассказывал дед младенца, старый Каираба Кинте. Имена были велики и многочисленны. Они уходили в прошлое более чем на две сотни дождей¹. А потом джалиба

¹ Лет.

ГЛАВА 2

ударил в барабан, и все стали громко восхищаться и выражать уважение к столь достойной родословной.

В ту восьмую ночь жизни своего сына Оморо завершил ритуал наречения под луной и звездами. Они были вдвоем, только он и Кунта. Оморо взял маленького Кунту на свои сильные руки и отправился на окраину деревни. Там он поднял младенца так, чтобы лицо его было обращено к небесам, и тихо произнес:

— Фенд килинг дорог лех варрата ка итех тее. (Узри: вот то, что больше тебя, единственное в мире.)

Глава 2

Наступил сезон посадки растений. Того и гляди должны были пролиться первые дожди. Мужчины Джуффуре пропалывали свои поля, складывали сухие сорняки в огромные кучи и поджигали, чтобы потом легкий ветерок удобрил почву, разнеся золу во все стороны. А женщины на рисовых полях уже сажали зеленые ростки во влажную землю.

Пока Бинта оправлялась от родов, за ее рисовым наделом присматривала бабушка Яйса. Но теперь она была готова взяться за дело. Кунта дремал на ее спине в тряпочном мешке, а Бинта шагала на поле вместе с другими женщинами. Некоторые, как она сама и ее подруга Джанкай Турай, несли на спине новорожденных. И все тащили большие свертки прямо на голове. Женщины направлялись к долбленным каноэ на берегу деревенского болонга, одного из множества небольших, извилистых каналов, устремлявшихся от реки Гамбия в глубь суши. Здешняя речка называлась Камби Болонго. Каноэ заскользили по водной глади, в каждом сидели пять-шесть женщин. Они гребли короткими, широкими веслами. Каждый раз, когда Бинта наклонялась вперед, чтобы сделать очередной гребок, она чувствовала, как прижимается к спине теплое тельце Кунты.

Воздух был напоен тяжелыми, мускусными ароматами мангров, густо растущих по обоим берегам болонга. Проплывающие каноэ напугали павианов. Проснувшись, они с громкими криками принялись скакать по деревьям, сотрясая пальмовые ли-

стья. Дикие свиньи с визгом и фырканием скрылись среди трав и кустов. Вдоль илистых берегов нашли себе приют тысячи пеликанов, журавлей, цапель, аистов, чаек, крачек и колпиц. Все они оторвались от утренней трапезы и нервно посматривали на скользящие по воде каноэ. Мелкие птицы взмыли в воздух — горлицы, водорезы, пастушки, змеешейки и зимородки. Они с криками кружили над водой, пока потревожившие их люди не скрылись вдали.

Каноэ скользили по волнистой поверхности канала, а внизу серебристые мальки сбивались в стайки, выпрыгивали из воды и плюхались обратно. За мальками охотились крупные хищные рыбы. Порой они были так голодны, что прыгали прямо на плывущие каноэ. Тогда женщины били их веслами и забирали с собой — для сытного вечернего ужина. Но в то утро мальки плавали вокруг каноэ совершенно спокойно.

Извилистый болонг привел каноэ к повороту, за которым начинался более широкий приток. Как только появились лодки, раздалось громкое хлопанье крыльев и в небо взмыл гигантский живой ковер — сотни тысяч птиц всех цветов радуги. Поверхность воды потемнела — птицы закрыли солнце, а с их крыльев посыпались перья. Женщины продолжали свой путь на рисовые поля.

Вблизи от болотистых фаро¹, где многие поколения женщин Джуффуре выращивали рис, каноэ врезались в гудящие облака москитов. Затем лодки одна за другой стали пробираться на свои участки, разделенные изгородями из плотно сплетенных водных растений. Такие изгороди отделяли участок каждой семьи. Изумрудные побеги молодого риса уже на ладонь возвышались над поверхностью воды.

Поскольку размеры наделов каждый год определялись советом старейшин Джуффуре в соответствии с количеством ртов в семье, участок Бинты пока еще был небольшим. Осторожно балансируя, Бинта сошла с лодки, придерживая ребенка на спине. Она сделала несколько шагов и замерла в изумлении при виде крохотной бамбуковой хижины на сваях, крытой соломой. Пока она рожала, Оморо пришел сюда и построил убежище для их сына. Как

¹ Участок земли, надел.

ГЛАВА 2

истинный мужчина ей он ничего не сказал. Бинта покормила сына, устроила его в хижине поудобнее, переделалась в рабочую одежду из свертка, который несла на голове, и отправилась работать. Низко нагнувшись, она выискивала в воде корни молодых сорняков — если не прополоть рис, сорняки быстро вытянутся и заглушат посадки. Услышав плач Кунты, Бинта распрямлялась, стряхивала воду и шла кормить и укачивать малыша в его уютном убежище.

Маленький Кунта каждый день купался в материнской нежности. Вечером Бинта возвращалась домой, готовила для Оморо ужин, а потом ухаживала за малышом. Чтобы кожа его была мягкой и нежной, она смазывала Кунту с головы до ног маслом дерева ши, а потом (чаще всего) брала на руки и с гордостью шагала через всю деревню к хижине бабушки Яйсы, где малышу доставалось еще больше ласк и поцелуев. Кунта начинал раздраженно хныкать, когда женщины давили на его маленькую головку, носик, уши и губы, чтобы правильно их сформировать.

Иногда Оморо забирал сына у женщин и уносил в собственную хижину — мужа в Джуффуре всегда жили отдельно от жен. Там он позволял ребенку рассматривать и ощупывать интереснейшие предметы — амулеты-сафи, которые висели в изголовье постели Оморо и отгоняли злых духов. Маленького Кунту привлекало все яркое — особенно кожаная охотничья сумка отца, сплошь покрытая раковинами каури. Оморо получал по раковине за каждое убитое животное, принесенное им в деревню. Кунта радостно ворковал над длинным изогнутым луком и связкой стрел, висящей рядом. Когда маленькая ручка тянулась вперед и хваталась за темное тонкое копье, гладкое и блестящее от частого использования, Оморо улыбался. Он позволял Кунте трогать все, кроме молитвенного коврика — коврик был священен. Когда отец и сын оставались в хижине вдвоем, Оморо рассказывал Кунте о великих и смелых деяниях, которые тот непременно совершит, став взрослым.

А потом Оморо возвращал Кунту в хижину Бинты, чтобы она покормила его. В общем, Кунта почти всегда был совершенно счастлив. Засыпал он или на коленях матери, или в своей кровати. Бинта наклонялась над ним и пела ему колыбельную: